

Review «Садко» в Большом театре

«Наш Садко — современный человек»

Оперные артисты, занятые в премьерных спектаклях «Садко», поделились с „Ъ“ своими впечатлениями от работы с Дмитрием Черняковым и от тех ролей, которые достались им в новом спектакле Большого театра.

— личный опыт —

Садко, гуслар (тенор) НАЖМИДДИН МАВЛЯНОВ:

— Самого Садко я никогда еще не пел, а с оперой в целом раньше был знаком разве что через песню Индийского гостя — ее я пел еще в училище. «Садко» ведь редко ставится. Для нашего спектакля я сначала выучил собственную партию, и довольно быстро, хотя учить приходилось в основном в поездках, во время перелетов и так далее. Но сейчас, когда я уже знаю всю оперу целиком, я могу сказать, что она потрясающая. Я пел и «Царскую невесту» Римского-Корсакова, и, допустим, его романсы, но в случае «Садко» как-то по-особому видно, насколько это был гениальный композитор. Это удивительная опера, но также и огромная, у моего героя очень большая партия, в моем клипше 428 страниц! И он практически все время находится на сцене, причем в этой постановке ему приходится очень активно проживать каждый такт своей музыки.

Я пел у Дмитрия Чернякова в «Трубадуре», так что я уже представлял себе, как он работает, но здесь все-таки другой масштаб, и сначала нужно немало усилий просто для того, чтобы запомнить, что делаешь ты, что в это время делают другие.

Наш Садко — современный человек, поэтому в спектакле есть моменты, которые я могу соотнести, например, со своей жизнью или вообще с сегодняшним днем и сегодняшними ситуациями. Поэтому рано или поздно во время работы с Черняковым ты начинаешь все пропускать через себя, и это полностью пропитывает все, что ты делаешь и своим голосом, и своей игрой. Понятно, что в принципе оперный театр бывает разный — кому-то нравится одно, кому-то другое. Но он должен жить, должен меняться, и над ним надо работать — знаете, как селекционеры выводят новые сорта фруктов и растений. Вот Дмитрий это делает, и мне это очень нравится.

Волхова, морская царевна (сопрано) АИДА ГАРИФУЛЛИНА:

— И страх, и трепет, и любопытство, и, конечно же, огромная ответственность — у меня слова «Большой театр» вызывают совершенно особые эмоции. Так что мой дебют в Большом и сам по себе для меня огромное событие. Конечно, дав согласие Дмитрию Чернякову на участие в его постановке «Садко», я понимала, что легких путей не будет. У меня не было сомнений, что это будет новая история, далекая от светлых сказочных образов русских былин, которые нам кажутся привычными.

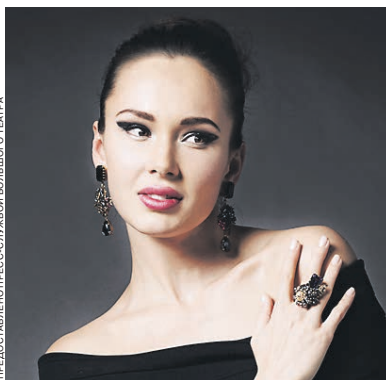
Мне с детства очень нравились эти оперы-сказки Римского-Корсакова — «Снегурочка», «Золотой петушок», «Сказка о царе Салтане», «Садко». Думаю, не только у меня, но и у многих меломанов они вызывают особый отклик и особую любовь. В моем репертуаре уже есть Шемаханская царица, Снегурочка, а теперь к ним прибавляется и партия дочери морского царя Волховы. Музыка Римского-Корсакова особенная — она вся пронизана светом и какой-то ажурной утонченностью. Он мастерски и с очень живым чувством вырисовывает фигуры даже своих сказочно-фантастических героев. Исполнять его музыку и легко, и одновременно трудно, но его музыкальные образы полностью поглощают тебя. И это всегда потрясающе.

НАДЕЖДА ПАВЛОВА:

— Конечно, относительно «Садко» есть определенные стереотипы — это связано с тем наследием, которое нам досталось, прежде всего записями. Раньше я думала, что Волхова — холодный, неприступный персонаж, такая волшебная царевна. Но в нашем спектакле это совершенно другой образ. Здесь, в этой постановке, он понятнее, приземленнее, легче, ближе к женской психологии и естеству. А вокально это довольно удобная партия, хотя есть и не очень комфортные места — все-таки это достаточно подвижная по мизансценам роль, и нужно справиться и со своим телом, и с дыханием.



НАЖМИДДИН МАВЛЯНОВ



АИДА ГАРИФУЛЛИНА



НАДЕЖДА ПАВЛОВА



ЕКАТЕРИНА СЕМЕНЧУК



ЮРИЙ МИНЕНКО



ДМИТРИЙ УЛЬЯНОВ



МИХАИЛ ПЕТРЕНКО



МАКСИМ ПАСТЕР

Черняков — идеальный режиссер для меня, мне очень нравится такая активная режиссура. Конечно, у меня есть время и возможность для того, чтобы наполнить роль своими задумками, своей психологией, но когда постановщик настолько подготовлен, когда он ставит тебе доскональные задачи и ты их последовательно решаешь — это огромное счастье для артиста. Я люблю такие спектакли, когда от сцены невозможно оторваться, кто бы их ни ставил. Я за все новое, мне нравятся эксперименты, потому что я считаю, что театр должен развиваться. Но на сцене все должно быть убедительно — вот это самое главное для меня. Постановочные решения Дмитрия — это всегда огромное удовольствие потому, что они все ставят на свои места. Вот, например, я не понимала что-то в партии, какую-то композиционную мысль. А когда я вижу, как этот момент ставит Черняков, что в этот момент у него происходит между героями, я буквально прозреваю.

Любава Буслаевна, жена Садко (меццо-сопрано) ЕКАТЕРИНА СЕМЕНЧУК:

— Римский-Корсаков — очень сложный композитор, даже самые простые на первый взгляд роли и вокальные партии таят множество сюрпризов, как ритмических, так и гармонических. Все партии в основном написаны у разных типов голосов на переходных нотах, и это всегда определенный тест не только на владение прекрасной вокальной школой, но и на внимательность.

Роль Любавы не такая развернутая и динамичная, как хотелось бы каждому меццо-сопрано, точнее, каждой певице, которая владеет полным диапазоном и уже наверняка исполняет другие ведущие партии как в русской музыке, так и в зарубежной. К тому же в этой партии часто делают купюры, наша постановка — не исключение, и это как будто бы делает и без того небольшую роль Любавы еще меньше. Но это совершенно не значит, что там нечего петь и играть!

Это всегда очень интересно и заманчиво — приступить к новой роли в новой постановке, да еще дебютируя в новом для себя театре. Я работала с Дмитрием Черняковым на постановке «Троянец» Берлиоза в Opera Bastille, и это была очень насыщенная, знаковая и важная для меня работа. А теперь исполнить в «Садко» роль, в которой блистали наши прославленные дивы Надежда Обухова и Ирина Архипова, для меня большая честь. И сбывшаяся мечта, в которой все совпало: новая роль, новая совместная работа с Дмитрием и дебют в Большом театре.

Встреча с Дмитрием Черняковым — это всегда событие и всегда фейерверк эмоций. Он очень серьезный, смелый, самобытный и честный художник. Но при этом в нем живет ребенок, который дает ему ту неповторимую непосредственность и чистоту восприятия, ту пылливость, которая делает его работы глубокими, стоящими и очень живыми. Для меня каждый его спектакль — настоящий, неподдельный мир музыки и слова. Если хотите, развернутое, законченное полотно, населенное живыми и интересными персонажами. Причем каждый имеет свой точно найденный характер и свою судьбу!

Нежата, молодой гуслар (контральто) ЮРИЙ МИНЕНКО:

— Это уже третий мой проект с Дмитрием Черняковым. В основном я пою музыку барокко, а в постановках оперы XIX века участвую очень редко — ну вот, например, у меня был опыт с Дмитрием Бертманом, я пел партию Гения добра в «Демоне» Рубинштейна в барселонском театре Лисео. На самом деле мне интересно отвлечься от мира барокко, который я очень люблю и который, можно сказать, уже часть моего ДНК. Конечно, мы понимаем, что такие «брюнные» партии в операх XIX века писались для женщин-контральто, потому что в ту эпоху уже в помине не было кастратов. Но сейчас, поскольку пение фальцетистов, или, как чаще говорят,

контратеноров, стало очень популярно как дань старинной музыке, режиссеры стали все чаще их использовать и в этих партиях. Дмитрий стал одним из основоположников этой практики, и для меня был большой сюрприз, когда он меня позвал петь Ратмира в «Руслане и Людмиле» — никогда не думал, что буду петь русскую оперную классику!

Здесь есть большие сложности — все-таки в барочной музыке совершенно другая стилистика, другая эмиссия звука, другое дыхание. И есть не так много контратеноров, которые могут наполнить звуком такой объем, как у Большого театра, и «перекрыть» большой оркестр — а у Римского-Корсакова очень массивный оркестровый звук, почти вагнеровский. Вот, например, Дмитрий пригласил в парижскую «Снегурочку» одного английского певца, но он не выдержал нагрузки и ушел из проекта, поэтому Леля там пришлось петь мне.

Мне справиться с этими нагрузками помогают занятия спортом, они стимулируют организм для такой работы. Я стараюсь не форсировать звук (потому что это для барочного певца очень опасно), петь свободно, ровно, больше отпускаю голос, больше пользоваться дыханием.

Работа с Черняковым — это большая школа. Для меня в свое время стало открытием то, что он требует от певца знания не только его собственной партии, но и всей партитуры, потому что у таких режиссеров, как он, невозможно сыграть свою роль, не зная всей музыки целиком, — вся драматургическая история расписана буквально по тактам. Он очень большое внимание уделяет массовым сценам — их много, и в каждой задействовано порядка 120 человек, и у каждого из них своя задача, своя миссия. Это титанический труд — добиться, чтобы вся эта громада четко работала. Включая и солистов, потому что мы все в этих сценах являемся не только исполнителями сольных партий, но и частью общей массы, в которой мы потом должны потеряться и раствориться.

Работа с немецкими режиссерами приучила меня к тому, что, когда я разучиваю партию, я не думаю о драматургии — все равно потом режиссер придумает что-то свое. Но у Дмитрия Чернякова мой Нежата особенно необычный персонаж. В нашей постановке он не просто былинный сказитель, но и фактически один из главных раздражителей для главного героя.

Варяжский гость (бас) ДМИТРИЙ УЛЬЯНОВ:

— Три гостя в «Садко» — это партии, стоящие особняком среди всех персонажей. Это изначально, мне кажется, переключается с вагнеровским «Тангейзером», с известной сценой состязания певцов. Римский выписал сцену гостей как дивертисмент, где каждый герой в отдельной прекрасной арии раскрывает свой характер и рассказывает о красотах своей страны, своего края, откуда он прибыл и куда приглашает Садко. Варяжский гость олицетворяет германское начало, могучего и грозного воина, по сути, даже немного Вотана (недаром он вспоминает бога Одина), это для русского человека образ некоего «супостата» и варвара. В каждой постановке эти арии — обособленные номера, где лучшие бас, тенор и баритон соревнуются друг с другом в красоте пения и умения в одной арии донести до зрителя цельность образа.

В нашем спектакле в этих образах ничего особо не меняется, но Митя Черняков использует свой уже опробованный прием «театр в театре» — не буду об этом подробно говорить, чтобы не открывать секреты заранее. Но скажу, что у моего Варяжского гостя появляются и медвежья шкура, и рога-шлем, и меч. Хотя, конечно, в версии Мити я не настоящий викинг, мне приходится «изобразить» моего гостя, постепенно вживаясь в этот образ. А потом раствориться в общей массе.

У Римского совершенно особенная музыка, в которой очень много характерного и жанрового. Иногда это музыка очень непростая. Но, как и с любым композитором, к ней надо подобрать свой «ключик» — и тог-

да все встает на свои места. Для меня этот заветный ключик — как раз сказочность и колоритность этой музыки. Есть роли очень сложные, как Царь Додон, а есть Варяжский гость — написанный, мне кажется, идеально для того, чтобы раскрыть и показать всю красоту, силу и мощь такого голоса, как бас.

С Митей всегда очень интересно работать, потому что прежде всего у него всегда есть своя практически детективная история, придуманная на заданный сюжет. И что характерно — все эти выдуманные приключения опираются на абсолютное знание музыки. Хотя, как это ни парадоксально, его всегда обвиняют именно в незнании музыкального текста. Чтобы вы знали — каждый поворот сюжета, каждое изменение опирается на музыкальную ткань и буквально выверяется по тактам! Каждый раз это непростая, до дотошности подробная работа, в которую включены все актеры на сцене, в том числе каждый артист хора и миманса. У Мити никогда нет просто некоей «массы народа» — у всех есть своя жизнь, свои задачи, свои характеры, что превращает спектакль в подобие фильма или сериала, за развитием сюжета в котором очень интересно следить.

Еще очень важно, что Митя всегда изначально знает, как он будет выстраивать ту или иную сцену, чего он будет требовать от артиста, и ему всегда очень важно, чтобы ты понимал и вникал в то, чего он хочет. Если ты попадаешь с ним на одну волну, то придумывать характер своего персонажа становится очень просто и невероятно интересно. Часто Митя, мне кажется, ставит перед артистом совершенно «киношные» задачи, очень точно работая над деталями, проникновением в образ, в характер, углубляя и усложняя смыслы, заложенные на поверхности. Например, одно из последних моих собственных потрясений — роль Гвидона в исполнении Богдана Волкова в «Сказке». Невероятная актерская, уже не просто оперная даже, а кинематографичная работа, что было видно в записи.

Дуда, скоморох (бас) МИХАИЛ ПЕТРЕНКО:

— Скажу честно: раньше в моем wish-list не было этой роли. Но сейчас я очень счастлив, что она мне досталась. Потому что постановщик уделяет большое внимание как раз вот таким вроде бы не ведущим ролям, в больших массовых сценах именно они становятся для него сваями, на которых держится вся картина, а может быть, и вся опера. У Римского-Корсакова есть очень разные басовые партии, но Дуда на самом деле большой вызов певцу: эта партия требует огромной отдачи, как физической, так и голосовой.

Для меня самая главная особенность работы с Дмитрием Черняковым — непредсказуемость. Ты никогда не знаешь заранее, какое он предложит решение для той или иной части спектакля. Но когда это решение уже реализовано, ты сразу понимаешь, что это его почерк, его рука, кроме него никто не может так это сделать. Репетиционный процесс с ним — это всегда уникальный опыт и большое наслаждение, и в прошлых его спектаклях, где я участвовал, и в этом.

Сопель, скоморох (тенор) МАКСИМ ПАСТЕР:

— Хотя я не приглашенный артист, а солист Большого театра, для меня премьера «Садко» — очень волнительное событие хотя бы просто потому, что за десять последних лет это всего третья моя премьера: были «История Кая и Герды», была «Сказка о царе Салтане», а теперь вот «Садко». С одной стороны, мне проще, потому что это родная сцена — я знаю все ее закоулки, да и партия небольшая и в общем понятная: скоморох — он и есть скоморох.

Но петь Римского-Корсакова не всегда легко, а петь его в постановке Чернякова нелегко и подавно — для нас всех поставлено очень много движения. Но это всегда очень интересно — очень мало режиссеров приходят ставить спектакль с таким знанием партитуры и с такой подготовленностью. Я работал с ним в «Воцке», в «Снегурочке», в «Обручении в монастыре», то есть теперь это уже четвертая работа, и она тоже очень легкая для меня, потому что сама роль очень тщательно и подробно сделана, буквально по шагам. Хотя у меня есть все-таки и некоторая свобода тоже. Дмитрий очень неординарно мыслит — например, я смотрел его «Салтана», и это потрясающая постановка. Он не просто говорит: вот ты выйди справа, а ты слева. Он всегда рассказывает, что персонаж должен в этот момент чувствовать, и вот это самое интересное: в этом, наверное, главное удовольствие от работы с ним.



Репетиция четвертой картины («Торжище»). В воздухе — Садко (Нажмиддин Мавлянов)